

С.П.Постников (ИИиА УрО РАН)
**МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА)**

Переход к форсированной индустриализации, курс на создание на Урале второй угольной базы сопровождались бурным ростом рядов рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве региона. Их численность в пределах Уральской области, Башкирской АССР и Удмуртской автономной области возросла с 853,3 тыс. человек в 1929 г. до 1843,8 тыс. в 1933 г.¹

Наиболее высокими темпами росли ряды рабочих, занятых в индустриальной сфере. За годы первой пятилетки число рабочих в промышленности, строительстве и на транспорте Урала увеличилось с 343,4 тыс. до 929,2 тыс. человек², или в 2,7 раза. Особенностью первой пятилетки было то, что ряды рабочих увеличивались в первую очередь за счет строителей, численность которых возросла с 68,2 тыс. в 1928/29 г. до 337,7 тыс. в 1932г., или в 4,9 раза.

Основным источником пополнения рядов уральского рабочего класса в этот период было крестьянство. С 1927 по 1930 г. из уральских деревень на постоянное место жительства в города и рабочие поселки прибыло свыше 140 тыс. человек. Поток крестьян из деревни в город резко усилился в начале 30-х гг., в период проведения массовой коллективизации сельского хозяйства, когда гонимые нуждой и насильственными методами преобразований в деревне огромные массы сельских жителей мигрировали в промышленные центры Урала. За 1931—1932 гг. предприятия, рудники, стройки Уральской области получили из села 472 тыс. новых рабочих³.

Особенностью первой пятилетки было вовлечение в ряды рабочего класса Урала так называемых “спецпереселенцев”, когда в результате политики “раскулачивания” сотни тысяч крестьян из южных и центральных районов страны были насильно перемещены на Восток и Север. Их принудительный труд сравнительно широко применялся в хозяйстве Урала, главным образом на лесозаготовках, торфоразработках, в горнорудной и угледобывающей отраслях, в строительстве, где удельный вес “спецпереселенцев” превышал 20% всех работников, на лесозаготовках — до 60%. Насильственное вовлечение в ряды

рабочих “спецпереселенцев” вело к снижению квалификационного уровня рабочего класса, поскольку большинство из них не имели рабочей профессии, опыта работы в индустриальной сфере и были заняты преимущественно тяжелым физическим трудом.

До начала первой пятилетки приток рабочей силы из деревни в город происходил стихийно. Основной формой перераспределения трудовых ресурсов между деревней и городом было отходничество, получившее на Урале широкое распространение. Так, если в 1926 г. в Уральской области числилось в отходе 100,1 тыс. человек, то в 1932 г. — 424,8 тыс.⁴ Отходничество носило преимущественно сезонный характер и не могло решить проблему формирования постоянных рабочих коллективов. Переход к перспективному планированию развития народного хозяйства, огромные масштабы нового строительства требовали изменения форм и методов привлечения рабочей силы на производство.

Органы труда и хозобъединения Урала первыми в стране, начиная с 1930 г., стали переходить к практике организованного набора рабочей силы на основе договоров предприятий с колхозами и крестьянами-единоличниками. Со второй половины 1930 г. до конца пятилетки в различные отрасли народного хозяйства Урала было завербовано около 570 тыс. крестьян, из них примерно 70% приходилось на сельские районы Уральской области, остальные (около 170 тыс. человек) были завербованы в Западной и Иваново-Вознесенской областях, Татарской и башкирской АССР, Средне-Волжском и Нижегородском краях, а также на Украине.

Однако, хотя большая часть крестьян, начиная с 1931 г., числилась в организованном отходе, 60—80% из них, приходя в город, поступила на предприятия самостоятельно, руководствуясь личными интересами, а не условиями договоров. Плановые задания по вербовке систематически не выполнялись. Опыт первой пятилетки показал, что только административными методами вплоть до привлечения к суду за нарушение договоров по оргнабору кадровую проблему решить невозможно. Организационный набор рабочей силы был порожден командно-административной системой, показал свою низкую экономическую эффективность, нередко сопровождался произволом и насилием в отношении крестьян, подрывал экономику колхозов за счет выкачивания из села наиболее трудоспособной части мужского населения.

Наряду с вербовкой рабочей силы в колхозах и отходничеством специфической формой вовлечения новых кадров в народное хозяйство стали партийные и комсомольские мобилизации. За три года первой пятилетки ЦК и Уралобком ВЛКСМ направили на предприятия Урала 130 тыс. человек.

Общественные мобилизации носили чрезвычайный, экстренный характер и были направлены на срочную ликвидацию “узких мест” и “прорывов” на производстве, которые лихорадили экономику в течение всей пятилетки. Лишь незначительная часть “мобилизованных” закреплялась на производстве, превращаясь в кадровых рабочих.

В период индустриализации важными источниками пополнения рядов рабочего класса были женщины и молодежь. В 1929—1932 гг. молодежь в возрасте до 23 лет составляла около 70% новых пополнений рабочего класса. В результате удельный вес молодых рабочих в общем составе рабочего класса Урала повысился с 26,6% в 1928 г. до 34,6% в 1933 г.⁵ Наиболее высокий удельный вес молодых кадров был в новых отраслях промышленности и на стройках.

В силу особенностей уральской промышленности, где ведущее место занимали тяжелые отрасли индустрии, доля женского труда в начале пятилетки была здесь сравнительно небольшой: в 1928 г. она равнялась 15,5%. Абсолютное большинство женщин имело низкую производственную квалификацию. Среди квалифицированных рабочих они составляли всего лишь 1,6%⁶.

Используя различные формы работы среди женщин (конференции и делегатские собрания, слеты домохозяек, “штурмовые” бригады делегатов и т.п.), партийные и профсоюзные организации Урала добились значительного расширения женского труда в производстве. Число женщин в промышленности Уральской области возросло с 26,7 тыс. в январе 1929 г. до 149,9% тыс. человек в октябре 1932 г. Их удельный вес среди рабочих увеличился с 15,1% до 27,3%⁷.

В целом процесс вовлечения женщин в промышленное производство в период индустриализации был закономерным явлением, носил прогрессивный характер. Среди женщин была ниже текучесть рабочей силы, меньше прогулов без уважительной причины. Но в условиях форсированных темпов промышленного строительства многократное увеличение женщин-работниц в производстве не под-

креплялось заботой об условиях их труда и быта, сопровождалось серьезными нарушениями законодательства о женском труде.

Рабочий класс Урала формировался как многонациональный по своему составу. Индустриализация Уральского региона вела к росту численности рабочих из национальных меньшинств. В Уральской области число рабочих нерусских национальностей возросло с 50 тыс. в 1929 г. до 100 тыс. в 1932 г.⁸ Однако заняты они были главным образом на неквалифицированных работах в металлургической, горнодобывающей отраслях промышленности, на новостройках и лесозаготовках.

К концу первой пятилетки только 13% всех рабочих нерусских национальностей, занятых в промышленности Уральской области, относились к категории квалифицированных⁹, что свидетельствовало о невозможности решить эту задачу быстро, преимущественно административными мерами без создания соответствующих социально-экономических и культурно-бытовых условий.

Изменения в социальном, половом, возрастном, национальном составе рабочего класса сопровождалась понижением его производственного стажа и квалификационного уровня. Так, средний стаж металлургов Урала сократился с 11,4 года в 1929 г. до 7,5 лет в 1933 г. По 18 заводам "Востокостали" на 1 января 1932 г. рабочие со стажем до одного года составляли почти половину всех работников. Вновь пришедшие на производство крестьяне, женщины, молодежь, представители национальных меньшинств не имели специальности и навыков работы на современном крупном предприятии. Удельный вес неквалифицированных рабочих среди уральских металлургов увеличился с 22,9% в 1929 г. до 34,7% в 1932 г., а их средний тарифный разряд снизился с 5,2 в 1926 г. до 3,6 в 1931 г.¹⁰ Аналогичные процессы шли и в других отраслях промышленности.

С переходом к индустриализации страны резко возросло несоответствие между потребностями народного хозяйства в квалифицированных кадрах и возможностью их удовлетворения через существующую сеть профессионально-технического образования.

При разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны впервые была предпринята попытка планирования воспроизводства рабочей силы. Уральская областная плановая комиссия провела расчеты потребности промышленности края в рабочих кадрах и ее покрытия через различные формы подготовки и

обучения. По подсчетам Уралплана, дополнительная потребность в рабочей силе на первую пятилетку определялась (с учетом ежегодной 5%-ой естественной убыли) в 450,2 тыс. рабочих, из них 349,0 тыс. обученных. При этом, несмотря на огромный приток новых рабочих из сельской местности, предполагалось, что в целом уровень квалификации рабочих Урала повысится. Так, удельный вес высококвалифицированных и квалифицированных рабочих должен был возрасти с 30,6% в 1929/30 г. до 37,8% в 1932/33 г., а полуквалифицированных и неквалифицированных — соответственно снизиться с 69,4% до 62,2%. Планировалось, что за пятилетку в стационарных учебных заведениях (школах фабрично-заводского ученичества и профтехшколах) будет подготовлено 41,4 тыс. новых рабочих, на профтехкурсах — 68,3 тыс., в цехах и на базах центрального института труда — 36,0 тыс. и т.д.¹¹ Конечно, эти подсчеты носили весьма приблизительный характер, тем более что планирование на пятилетнюю перспективу и в таких масштабах в региональном разрезе осуществлялось впервые. Но в целом план был достаточно продуманным и взвешенным. В его разработке принимали участие видные уральские экономисты Б.В.Дидковский, Я.А.Истомин, К.И.Клименко, М.А.Сигов и др. Проблема трудовых ресурсов Урала решалась с участием академика С.Г.Струмилина.

Однако в 1930—1931 “План Большого Урала” как в целом, так и в части трудовых ресурсов был фактически поломан волюнтаристским вмешательством сверху.

Курс на форсированное расширение контингента учащихся сети профтехобразования продолжался в течение 1930—1932 гг. Но повышенные планы приема ни разу за эти годы выполнены не были: вместо 155,563 человек фактически за три года было принято 114,174 человека, или 73,4%. Ухудшился качественный состав контингента школ ФЗУ за счет приема малолетних и малограмотных подростков. Начал падать престиж профтехшколы. Огромных размеров достиг отсев учащихся.

На территории Уральской и Оренбургской областей, Башкирии и Удмуртии число школ ФЗУ и типа ФЗУ выросло со 119 в 1928/29 г. до 277 в 1932 г., то есть в 2,5 раза, а контингент учащихся в них — с 11,6 тыс. до 81,3 тыс. человек, или в 7 с лишним раз¹² (по СССР в целом — в 4,2 раза)¹³.

Школы ФЗУ Урала подготовили за первую пятилетку около 40 тыс. молодых рабочих, удовлетворяя потребности народного хозяйства в квалифицированной рабочей силе на 10—15%. Основная часть новых рабочих пополнений проходила профессиональное обучение и приобретала квалификацию в процессе производства.

Значительное число рабочей молодежи прошло подготовку в годы первой пятилетки через индивидуальное и бригадное ученичество. Количество учеников в промышленности СССР возросло со 133,3 тыс. в 1928 г. до 582,6 тыс. человек в 1932 г.¹⁴, или в 4,3 раза. В крупной промышленности Уральской области и Башкирской АССР в конце пятилетки насчитывалось 36,1 тыс. учеников. Процент учеников среди рабочих на предприятиях Урала был несколько выше, чем в среднем по Союзу (соответственно по 10,5 и 10,3%)¹⁵.

В конце первой пятилетки на Урале, как и в других районах страны, получило распространение изотовское движение. По примеру забойщика из Донбасса Н.А.Изотова многие кадровые рабочие стали брать обязательства о передаче своего опыта и профессионального мастерства молодой рабочей смене. Опрос 450 ветеранов труда с заводов Среднего Урала, проведенный в 70-е гг., показал, что у 56% из них в 30-е гг. были шефы, обучавшие их рабочей профессии¹⁶.

Одной из важных форм подготовки рабочих кадров стали учебные базы акционерного общества “Установка” Центрального института труда. Свердловское отделение “Установка” приступило к работе весной 1929 г.

Вслед за Свердловском учебные базы ЦИТа были организованы в Ижевске, Перми, Уфе, Челябинске, Нижнем Тагила и других уральских городах. Для руководства учебными базами в рамках региона в сентябре 1930 г. было организовано Уральское областное отделение акционерного общества “Установка”. Оно объединяло в пределах области 7 крупных межрайонных баз, на которых в течение межрайонных баз, на которых в течение 1929—1931 гг. было подготовлено 47,3 тыс. рабочих-строителей и 2 тыс. инструкторов производственного обучения по строительным и металлопрофессиям.

В начале второй пятилетки органы Центрального института труда прекратили заниматься подготовкой рабочих кадров и сосредоточили свое внимание на проблемах внедрения в производство передовых форм организации труда, а также оказывали учебно-методическую помощь хозорганам в профессиональном обучении рабочих.

Росту профессионально-технического уровня рабочего класса содействовало развертывание производство-технической пропаганды. Наряду с производственными совещаниями, распространением передового опыта через периодическую печать стали проводиться конкурсы на “лучшего производственника”, лекции по научно-технической тематике, технические экскурсии, викторины, техбои и т.п. Со второй половины 1931 г. сначала на Уралмаше, а затем и на других предприятиях стали созываться партийно-технические конференции, которые были одной из форм освоения новой техники.

В конце 1927 г. было создано добровольное общество “Техника-массам”, которое в 1931 г. было преобразовано в общество “За овладение техникой” (ЗОТ). В 1932 г. на предприятиях Уральской области насчитывалось 19 тыс. членов общества ЗОТ, две трети из них составляли рабочие. Активисты общества принимали участие в организации техучебы рабочих, создавали на заводах технические кабинеты и библиотеки. С сентября 1931 г. по Уральскому областному радио начались регулярные ежедневные передачи технических докладов, лекций, информации. В кинопрокате появились технические научно-популярные фильмы. Несмотря на элементы кампанейщины, формализм и т.п., эта деятельность несла в себе много полезного, дополняя и обогащая другие формы профессионально-технической подготовки рабочих кадров.

Дальнейшее расширение и повышение эффективности техучебы рабочих затруднялись низкой трудовой дисциплиной на производстве, большой текучестью рабочей силы, недостатками в организации и оплате труда. Это вело к невыполнению планов роста производительности труда, к большому количеству брака, частым поломкам станков и механизмов. Часть рабочих, особенно недавно пришедших на предприятия из деревни, будучи слабо материально заинтересована в повышении своей квалификации, всячески уклонялась от прохождения технической учебы.

30 июня 1932 г. Совет Труда и Оборона принял постановление “Об обязательном обучении рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки и механизмы”¹⁷. По этому решению все должности, связанные с выполнением сложных работ на механизмах, могли занимать только рабочие, обладающие соответствующим минимумом технических знаний. Таким образом, административные меры, а не заинтересованность рабочих в повышении своей квалификации,

были законодательно закреплены в качестве главного средства борьбы за техническое обучение рабочих кадров. Данное постановление СТО определило содержание, формы и методы профессионального обучения кадров в годы второй пятилетки.

Рост рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Урала, глубокие изменения в социальной структуре рабочего класса сопровождались серьезными сдвигами в его образе жизни и уровне благосостояния.

Характерным явлением была связь значительной части рабочих с земледелием, обусловленная историческим процессом формирования уральского пролетариата преимущественно из бывших крепостных рабочих ("мастеровых"), которые в определенной мере жили за счет доходов от сельского хозяйства. Среди кадровых рабочих металлургической и металлообрабатывающей промышленности Урала владевших землей было несколько больше, чем на Украине, в Московской и Ленинградской областях, Центрально-Промышленном районе. Наиболее крепкие связи с сельским хозяйством имели рабочие, проживавшие в заводских поселках и деревнях. К началу первой пятилетки большинство из них имело собственный дом, огород, покосы (75,8%), коров (77—83,2%), рабочих лошадей (40—55%). Но лишь немногим более четверти рабочих (26,5—27,1%) имели посе-вы. Доход от всех видов сельского хозяйства в общей сумме годового дохода семей, проживавших в заводских поселках и деревнях, составлял около 10%. Основным источником существования рабочих и их семей являлась работа на заводе. Однако за счет произведенных в своем хозяйстве продуктов рабочие семьи удовлетворяли потребности в овощах, молоке, яйцах на 70—90%, в зерне и мясе — на 13—14%, что имело немаловажное значение в условиях существования карточной системы и постоянных перебоев в снабжении городов и рабочих поселков продовольствием.

Связи уральских рабочих с землей оказывали противоречивое влияние на развитие промышленности. В летние месяцы рабочие мелких и средних заводов уходили на сельскохозяйственные работы. В результате простоев выпуск промышленной продукции сокращался в среднем на 10%, а добыча руды и угля — на 15%. Но с другой стороны, наличие своего хозяйства сдерживало рост текучести рабочей силы. Кроме того, в условиях серьезных продовольственных и

жилищных трудностей того времени личное хозяйство помогало рабочим поддерживать минимальный жизненный уровень.

К концу первой пятилетки связи уральских рабочих с землей заметно сократились. По данным профсоюзных переписей, удельный вес рабочих металлургической промышленности Уральской области, имевших связь с сельским хозяйством, сократился с 32% в 1929 г. до 21,7% в 1932 г., т.е. на одну треть. Этот процесс был вызван рядом экономических факторов, в частности, резким увеличением сельскохозяйственного налога с началом массовой коллективизации, в результате чего ведение собственного мелкого хозяйства становилось нерентабельным. Сыграл свою роль и такой социальный фактор, как ликвидация безработицы, когда положение рабочего класса стало более устойчивым.

В конце 20-х гг. безработица на Урале носила массовый характер. В 1928 г. в Уральской области насчитывалось 114,9 тыс. безработных, в Башкирии — около 10 тыс., в Удмуртии — 3,7 тыс.¹⁸, что составляло около 15% от общего числа работников, занятых в народном хозяйстве региона. Почти три четверти всех безработных составляли женщины и подростки, не имевшие производственной квалификации и, как правило, впервые предлагавшие свой труд. Тяжелое материальное положение безработных вызывало их недовольство и социальную напряженность. Безработным выплачивалось пособие, составлявшее 30—70% средней зарплаты. Имевшие семью безработные получали надбавку в размере 25—40% от суммы пособия. Создавались трудовые коллективы из безработных. Биржи труда регулировали процесс найма рабочей силы, направляли безработных на переквалификацию.

Широкое развертывание нового строительства с начала первой пятилетки привело к резкому росту спроса на рабочую силу. В результате в 1929 г. безработица на Урале сократилась более чем на четверть, а к середине 1930 г. была ликвидирована.

Серьезным препятствием в повышении эффективности производства, роста благосостояния трудящихся была сложившаяся в 20-е гг. система оплаты труда. Проведенная в 1927—1928 гг. тарифная реформа привела к сокращению разницы в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих, утверждению уравниловки. В 1931—1933 гг. была проведена новая реформа заработной платы. Разница ставок для рабочих крайних разрядов была увеличена с 1:2 до

1:3,8. Стали шире применяться сдельная и сдельно-премиальная системы оплаты труда. К концу 1931 г. удельный вес рабочих, переведенных на сдельщину, вырос в черной металлургии до 80,3%, в каменноугольной промышленности — 71,2%, в горнорудной промышленности — до 73,5%. Реорганизация системы оплаты стимулировала рост производительности труда, а следовательно — и заработной платы. В крупной промышленности Урала среднемесячная зарплата рабочих выросла с 59,0 руб. в 1928/29 г. до 91,53 руб. в 1932 г., или на 55%, в строительстве — с 74,02 руб. до 100,1 руб. или на 35%¹⁹. Особенно значительно — почти вдвое — увеличились ставки металлургов.

Однако увеличение зарплаты отставало от роста цен в государственной и кооперативной торговле, которые за годы первой пятилетки возросли соответственно в 1,3 и в 8 раз²⁰. На Урале с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г. отпускные цены в рабочей кооперации возросли: на мясо на 8,7%. на гречневую крупу — 33,3%, на молоко — на 17%. Огромный рост массы денег в обращении вызвал острый товарный голод. В конце 1928 г. вводится карточная система нормированного снабжения — сначала на хлеб, потом на основные продовольственные товары и далее на мануфактуру.

Продовольственное снабжение городского населения Урала резко ухудшилось. Острый дефицит товаров первой необходимости привел к росту спекуляций, возникновению огромных очередей (жители городов занимали очередь в 2-3 часа ночи). Трудности усугублялись тем, что по решению Наркомторга снабжение уральских рабочих крупных предприятий было отнесено к третьей категории, с наименьшими нормами обеспечения продовольственными и промышленными товарами. Рабочих небольших заводов совсем снимали с централизованного снабжения. Вынужденные покупать продукты на рынке, где цены стремительно росли, рабочие стали тратить на питание до двух третей своего заработка. Это привело к значительному снижению жизненного уровня горожан, тем более что зарплата уральских рабочих была на 20—25% меньше, чем в целом по Союзу. Лишь в 1931 г. сначала рабочие Магнитогорскстроя, затем Уралмашстроя, Челябинского тракторного завода, других крупных предприятий и шахт были включены в первоочередное снабжение продовольственными и промышленными товарами.

Материальные трудности усугублялись острым жилищным кризисом, который поразил промышленные центры региона уже в начале пятилетки. Форсированное возведение гигантов индустрии привело к многократному увеличению городского населения. Особенно быстро росло число жителей в новых городах. Так, в Магнитогорске в сентябре 1930 г. проживало около 30 тыс. человек, а через год — уже 100 тыс. Для размещения рабочих и их семей, прибывавших на стройки, пришлось в срочном порядке строить временные жилища. В Магнитогорске в палатках и землянках проживало свыше 10 тыс. человек. Средняя норма жилой площади на человека составляла 2 кв. м, не хватало питьевой воды. Созданные без генеральных планов соцгородки Уралмаша, Магнитки, Березников состояли преимущественно из жилищ-палаток, землянок, бараков, временных коммунальных сооружений. В бараках не только расселяли семьи рабочих, инженеров и служащих, но и размещали общественные организации, магазины, больницы, столовые, прачечные, культурно-бытовое строительство резко отставало от промышленного и даже жилищного. Настоящей бедой для жителей городов и рабочих поселков стала острая нехватка детских садов, учреждений здравоохранения, общественного питания, торговли, быта, отсутствие водопровода, канализации, общественного транспорта²¹.

Городское население в пределах Уральской области увеличилось с 146,8 тыс. человек на 1 января 1928 г. до 2807,4 тыс. на 1 января 1932 г., т.е. почти в 2 раза, а жилая площадь в городах и рабочих поселках возросла только на 2,4 млн. кв. м, или на 22,5%. По плану первой пятилетки предполагалось, что обеспеченность жильем на душу населения в Уральской области возрастет с 5 кв. м в 1928 г. до 6 кв. м в 1933 г., фактически же произошло ее сокращение до 3,9 кв. м. В Ижевске в 1928 г. на одного жителя приходилось 3,7 кв. м, а в 1931 — всего лишь 2,6 кв. м. Такое же положение было и в других уральских городах. Именно в годы первой пятилетки сложился “остаточный принцип” финансирования социальной сферы. Расходы на жилищное строительство и коммунальное хозяйство составили за четыре года пятилетки (1928/29—1932) всего 9,7% от общей суммы капиталовложений в народное хозяйство Уральской области²².

Тяготы быта — хронический дефицит товаров первой необходимости, очереди, теснота — отрицательно сказывались на моральной атмосфере в обществе, на физическом и нравственном здоровье наро-

да, вызывали чувство психологического дискомфорта, немотивированного озлобления, что вело к росту уровня преступности, пьянства и алкоголизма. На почве неудовлетворенности материальным положением на отдельных предприятиях имели место забастовки, “волынки”, носившие экономический характер. Однако крайние формы протеста не находили поддержки со стороны большей части рабочего класса, который под влиянием официальной пропаганды расценивал многие справедливые требования как “происки классовых врагов”. Пассивной формой протеста против тяжелых условий труда и быта были массовые увольнения рабочих с предприятий по собственному желанию, которые вели к огромной текучести рабочей силы, большому количеству прогулов на производстве. На многих новостройках и заводах рабочий состав ежегодно полностью обновлялся. На каждого рабочего в год приходилось в среднем 8,5—10,5 дней прогулов²³. Ужесточение административных мер воздействия на прогульщиков и “летунов” в конце первой пятилетки не дало ожидаемых результатов.

Падение жизненного уровня рабочего класса в какой-то мере компенсировалось сокращением длительности рабочего дня, ростом фондов социального страхования, сети учреждений социально-культурного назначения и бытового обслуживания. В конце 20-х гг. начался переход на 7-часовой рабочий день. В 1932 г. на сокращенный рабочий день перешли 80% работников промышленности Урала. Фонд социального страхования вырос в Уральской области за пятилетку в 3,5 раза и составил в 1932 г. 134 млн. руб. Намного расширилась сеть общественного питания: если в начале пятилетки здесь насчитывалось 66 столовых, то на 1 октября 1932 г. — 751. Число предприятий розничной торговли возросло в Уральской области с 11136 до 19155, в Башкирии — с 2040 до 4155, в Удмуртии — с 750 до 1486 учреждений. Вдвое увеличилось число мест в домах отдыха и в санаториях. В 1932 г. детские дошкольные учреждения на Урале (без Оренбуржья) посещали 146,8 тыс. детей рабочих и служащих. Расширилась сеть здравоохранения. Число койко-мест в больницах возросло почти вдвое и составило в 1932 г. 26,8 тыс. Количество здравпунктов на предприятиях Уральской области увеличилось с 54 в 1928 г. до 287 в 1932 г.

И все же развитие социально-культурной сферы отставало от масштабов индустриального строительства и темпов роста численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Урала. Крайне

низким было качество обслуживания населения в учреждениях здравоохранения и торговли.

Активизация “человеческого фактора” рассматривалась в годы первой пятилетки как важнейшее средство ускорения социалистического строительства. С этой целью использовались различные формы трудовой активности рабочих. Получили развитие производственные совещания, занимавшиеся вопросами проведения режима экономии, управления производством, правильного использования рабочей силы, снижения себестоимости продукции, повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины.

К концу первой пятилетки производственные совещания действовали на всех предприятиях Урала и в них участвовало свыше 60% рабочих²⁴. Однако по мере складывания хозяйственного механизма, присущего командной, сверхцентрализованной экономике, рабочие все больше теряли реальные рычаги воздействия на администрацию и возможность самостоятельно проводить в жизнь свои предложения. Это вело к росту формализма и показухи в деятельности производственных совещаний, постепенной утрате ими своей эффективности и способности оказывать влияние на совершенствование производства.

Противоречие между подъемом творческой активности рабочего класса и хозяйственным механизмом, сдерживающим его инициативу, проявилось и в ходе развертывания социалистического соревнования. В начале пятилетки получила распространение такая форма соцсоревнования, как движение ударников. Первые ударные бригады на Урале появились на Златоустовском механическом, Лысьвенском металлургическом, Каслинском чугунолитейном и других заводах. Движение ударных бригад получило поддержку со стороны определенной части рабочего класса. К началу 1929 г. на заводах и шахтах Уральской области насчитывалось 140 молодежных ударных бригад, в которых работало более 1500 человек.

После опубликования 20 января 1929 г. в “Правде” статьи В.И. Ленина “Как организовать соревнование?” и принятия ЦК партии постановления от 9 мая 1929 г. “О социалистическом соревновании фабрик и заводов” соревнование приняло массовый характер. Однако опыт ударных бригад показал, что “штурмовые” методы работы не могли быть главным средством выполнения производственных заданий. Они лишь в какой-то мере компенсировали крупные недостатки в функционировании хозяйственного механизма.

Другой формой организации труда и социалистического соревнования стали хозрасчетные бригады. В феврале 1931 г. на хозрасчет перешли две бригады Нижнесаидинского металлургического завода, которые обратились к рабочим Урала с призывом последовать их примеру. Создание хозрасчетных бригад совпало по времени с реформой системы оплаты труда и имело целью повысить заинтересованность рабочих в конечных результатах работы. Если в начале 1932 г. на предприятиях Уральской области действовало 4,5 тыс. хозрасчетных бригад, то через год — 20 тыс. Но сложившийся хозяйственный механизм, жесткий контроль за использованием фонда заработной платы снижали действенность материального стимулирования высококвалифицированного труда. Администрация, чтобы не превысит уровень средней зарплаты, повышала нормы и снижала расценки рабочим, перевыполнившим задания, то есть в первую очередь передовикам. В таких условиях многие вели себя так же, как рабочий с Ижстальзавода А.Бабин: “Силу, смекалку (а у него ее немало) применять боялся. Страшился (как он сам говорит), что срежут расценки, повысят нормы”²⁵. Административные методы регулирования производственных процессов сковывали инициативу масс, приводили к усилению формализма в соцсоревновании, росту числа лжеударников. В конечном итоге не вписались в существующий хозяйственный механизм и хозрасчетные бригады. Многие из них в начале второй пятилетки распались, другие, утратив элементы самоуправления и экономической самостоятельности, по существу, перестали быть хозрасчетными.

Данное противоречие проявилось и в движении рационализаторов и изобретателей. В годы первой пятилетки стали регулярно проводиться конференции, слеты изобретателей и рационализаторов, в которых участвовали многие рабочие и ИТР. В конце 1931—1932 гг. в Свердловске, Ижевске и Уфе были организованы областные отделения Всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ). Общество изобретателей в Уральской области насчитывало в 1932 г. 3,5 тыс. членов, объединенных в 218 общезаводских и цеховых ячеек. Росло число поступавших от рабочих рационализаторских предложений. Так, на Ижстальзаводе их количество увеличилось за годы пятилетки в “% раз, а экономия от их внедрения возросла со 168,0 тыс. руб. в 1928 г. до 2483,8 тыс. руб. Однако если в начале пятилетки внедрялось в производство каждое третье предложение, то в конце пятилетки —

лишь каждое пятое”²⁶. Внедрение рацпредложений все больше затруднялось слабой материальной заинтересованностью рабочих, усилившимся бюрократическим давлением хозяйственного аппарата на творческую инициативу рабочего класса.

Развитие рабочего класса Урала в годы первой пятилетки было сложным и противоречивым процессом, обусловленным как объективными трудностями масштабных социально-экономических преобразований в народном хозяйстве края, так и волюнтаристским курсом на “подхлестывание” экономики, который привел к срыву заданий пятилетнего плана, оказал негативное влияние на качественный состав рабочего класса, уровень его производственной квалификации, материального и культурного благосостояния. В результате экстенсивного развития экономики показатели пятилетнего плана по росту численности рабочих и служащих на Урале были namного перекрыты, а планы увеличения производительности труда оказались не выполнены. За 5 лет состав рабочего класса Урала обновился на две трети. В итоге огромного притока выходцев из крестьян, женщин, молодежи, национальных меньшинств рабочий класс утратил многие трудовые традиции, способность противостоять усиливавшемуся нажиму командно-административной системы. Энтузиазм, трудовой героизм сочетался с пассивностью, социальной апатией значительной части рабочих. Это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на выполнении планов социально-экономического развития региона.

Форсированная модернизация привела, по словам А.Бутенко, к появлению “совокупного рабочего сталинского типа”²⁷. Советский рабочий класс утвердившейся в 30-е гг. централизованной плановой экономики был сосредоточен на государственных предприятиях и занят наемным трудом, создавая прибавочную стоимость для владельцев средств производства в лице партийно-советских этакратических структур и хозяйственных ведомств. Он был занят преимущественно исполнительским физическим трудом в сфере материального производства и в непромышленных отраслях, выполняя функции материального характера. Рабочему классу были присущи следующие основные черты:

— отчуждение от собственности на средства производства в экономической сфере и от власти — в сфере политики;

— неспособность в условиях тоталитарного режима отстаивать и защищать свои экономические и политические интересы, но в то же время высокая степень “идеологизированности”, вызванной усиленным насаждением сверху идеологии культа личности;

— социальная неоднородность: наряду с кадровыми рабочими (таких к концу 30-х гг. было немногим больше 20%) основную часть рабочего класса составляли формирующиеся и маргинальные, по существу, деклассированные элементы;

— низкий уровень материального благосостояния, обусловленный как отчуждением работника от собственности, так и уравнительными (эгалитарными) тенденциями в сфере распределительных отношений, а также большим дисбалансом в развитии фондов накопления и потребления, слабым развитием социальной инфраструктуры;

— относительно низкий культурно-технический уровень, который объясняется отставанием социально-культурной сферы, далеко недостаточной заинтересованностью рабочих в условиях сложившегося хозяйственного механизма в повышении своего образовательного уровня и профессиональной квалификации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Труд в СССР (1934 год): Ежегодник. М.6, 1935. С. 6—7; Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917—1970): Формирование и развитие промышленных рабочих. Ижевск, 1979. - С.39; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 21. Д.5.л.65—66. В 1928 г. в государственной цензовой и кооперативно-кустарной промышленности Оренбургской губернии было занято 37 тыс. человек. С 1926 по 1934 г. Оренбуржье входило в состав Средне-Волжского края. Поэтому обобщенные статистические данные о численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Оренбуржья в конце первой пятилетки, отсутствуют.
2. Подсчитано по материалам: Труд в СССР: Эконом.-стат. справочник. М.-Л., 1932. С.64; Труд в СССР (1932 год): Ежегодник. М., 1933. С. 18; Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. Свердловск, 1930. Вып.3.С.3; Уральское хозяйство в цифрах. 1931—1932. свердловск, 1932. С. 123; Материалы к контрольным цифрам Урала на 1932 год. Свердловск, 1932. С. 5—6; Социалистическое строительство Башкирии за пятнадцать лет: Эконом.-стат. справочник. М., 1934. С. 62—63; 15 лет Советской Башкирии. Уфа, 1934. С. 136; Удмуртия за 15 лет в цифрах. Ижевск, 1935. С. 129; Социалистическое строительство Чкаловской области: Стат. сб. Чкалов, 1940. С. 8.
3. Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). - М., 1971. - С. 225, 231; Уральский коммунист. - 1932. - №№ 1—2. - С. 66.
4. Щербакова Н.М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки//Рабочий класс Урала в период строительства социализма. - Свердловск, 1982. - С. 49.
5. Хозяйственное и культурное строительство на Урале. - Свердловск, 1934. - С. 164.

6. Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932 гг. – Свердловск, 1933. – С. 127. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 480. Л. 60.
7. Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932 гг. – С. 127.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1074. Л. 29.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 289. Л. 3.
10. Щербакова Н.М. Указ. соч. – С. 54.
11. ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 755. Л. 1-2 об.
12. Подсчитано по материалам: Социалистическое строительство Урала за 15 лет. – Свердловск, 1932. – С. 10-11; Кадры Урала за первую пятилетку. – Свердловск, 1933. С. 6; ГАСО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 202. Л. 264; Ф. 1003. Оп. 4. Д. 1. Л. 35-43; Культурное строительство в Удмуртии/Сб док. (1917-1941 гг.). – Ижевск, 1970. – С. 258; ЦГА УР. Ф. 711. Оп. 2. Д. 14. Л. 41; Ф. 724. Оп. 1. Д. 155. Л. 26; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 6. Л. 93; ЦГИА РБ. Ф. 804. Оп. 2. Д. 100. Л. 18.
13. См.: Культурное строительство СССР: Стат. сб. – М.–Л., 1940. – С. 107.
14. Подготовка кадров в СССР. 1927-1931 гг. – М., 1933. – С. 31.
15. Труд в СССР (1932 год): Ежегодник. – М., 1933. – С. 6-7, 18.
16. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: Вчера, сегодня. – Свердловск, 1976. – С. 157.
17. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. – 1932. – №№ 51. – С. 311.
18. Труд на Урале в 1927/28 г.: Стат. справочник. – Свердловск, 1929. – С. 26; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. – Ч. 1. – С. 67; ЦГА УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
19. Социалистическое строительство Урала за 15 лет. – Свердловск, 1932. – С. 19; Хозяйство Свердловской области 1935-1936 гг.: Основные показатели. – Свердловск, 1936. – С. 192.
20. Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. – М., 1989. – С. 71.
21. Трамвайное движение было тушено в 1929-1930 гг. только в трех городах – в Перми, Свердловске и Челябинске.
22. Социалистическое строительство Урала за 15 лет. – Свердловск, 1932. – С. 38.
23. Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932 гг. – С. 142.
24. История профсоюзов Урала. 1905-1984 гг. – М., 1984. – С. 108.
25. Работать по-стахановски: Стахановцы Кировского края. – Киров, 1936. – С. 9-10.
26. Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917-1970). – С. 64.
27. Бутенко А. Исторический тупик: как из него выйти?//Урал. – 1990. – № 9. – С. 14.